

Ольга Ефимова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

Снег и пепел

«Автор»

2026

Ефимова О.

Снег и пепел / О. Ефимова — «Автор», 2026

Лучший пластический хирург Петербурга Мария Волконская теряет всё, когда её брата обвиняют в поджоге ТЦ с двадцатью жертвами. Помощник прокурора Звонарев, прикрывающий застройщиков, подставляет Марию – порошок в её машине, фальшивые улики и девять лет строгого режима. В колонии «Снежная» она попадает к Каре – бывшему оперативнику Интерпола, отбывающему срок за убийство мужа-оборотня. Кара видит в Марии талант и предлагает сделку: операция на позвоночнике в обмен на уроки выживания, манипуляции и искусства уничтожать врагов их же руками. После успешной операции Кара организует Марии побег через УДО. На свободе Мария меняет лицо и под видом криптоинвестора внедряется в элитный круг Петербурга. Её цель – не убить, а разрушить репутацию Звонарева, найти свидетеля и спасти брата. Но архив Кары хранит тайны, способные уничтожить не только прокурора, но и тех, кто стоит над ним. «Снег и пепел» – история о том, как из пепла поднимается холодная, неузнаваемая месть.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	5
Глава 1. Точность	7
Глава 2. Пепелище	12
Глава 3. Брат	17
Глава 4. Звонарев	22
Глава 5. Архитектура лжи	26
Глава 6. Свидетель	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Ефимова

Снег и пепел

Глава

Пролог

Пепел ещё дымился.

Санкт-Петербург, ТЦ «Апрель», 5:47 утра.

Запах горелого пластика, бетонной пыли и чего-то сладковатого — того, что не должно пахнуть сладким. Мария стояла в оцеплении, прижимая к лицу влажную салфетку. Её руки — руки, которые зашивали лица, возвращали зрение обожжённым векам, спасали носовые перегородки, — сейчас тряслись.

Не от холода.

Спасатели доставали двадцатое тело. Ребёнок. Девочка с золотистым браслетом на обугленной руке.

— Мария Андреевна? Ваш брат просил передать, — к ней подошёл молодой следователь, избегая глаз. — Сказал, что не он.

— Я знаю, что не он, — ответила она тихо.

— Он просил найти адвоката. Своего. Не того, что от прокуратуры.

Мария кивнула. В голове щёлкали цифры: двадцать погибших, три десятка пострадавших, здание без систем пожаротушения, аварийные выходы заблокированы. Её брат Алексей приехал на вызов в 22:15. Вызов был ложный — пустой ангар в трёх кварталах. А настоящий пожар начался в 22:03.

Она уже это знала. У неё было достаточно связей, чтобы за пару часов получить хронологию. Но кого волнует хронология, когда есть козёл отпущения?

— Мария, — голос из прошлого.

Она обернулась. Перед ней стоял помощник прокурора Звонарев в безупречном пальто. Носовой платок в нагрудном кармане. Запах дорогого одеколона перебивал гарь. Он не был здесь пять минут назад. Он появился именно сейчас, когда камеры телеканалов нацелились на чёрный дым.

— Игорь Сергеевич, — она не протянула руку. — Мой брат не поджигал.

— Все улики говорят об обратном, — Звонарев вздохнул с сочувствием, которое репетировал перед зеркалом. — Канистры с бензином в его машине. Отпечатки. Видео с заправки.

— Видео можно смонтировать. Отпечатки — подбросить.

— Осторожнее, — он наклонился к её уху, и его голос упал до шёпота. — Такие слова называют клеветой на следствие. Вы же умная женщина. Умные женщины не теряют клинику, репутацию и свободу из-за родственной любви.

Мария посмотрела на него в упор. Она видела таких пациентов. Нарциссы с комплексом бога. Им нельзя показывать страх. Они чувствуют кровь за версту.

— Я пластический хирург, Игорь Сергеевич, — сказала она спокойно. — Я делаю лица, которые вы целуете по ночам. Если мой брат сядет, я найму лучших адвокатов в этой стране. Если не поможет — я найду правду сама. И тогда ваше безупречное пальто будет вам маловато.

Звонарев улыбнулся. Улыбка не задела глаз.

— Вы даже не представляете, кто я на самом деле, доктор.

Он развернулся и ушёл в сторону оперативного штаба. За ним, как тень, — мужчина в штатском с родимым пятном на шее. Мария запомнила это пятно.

В тот момент она ещё не знала, что будет дальше.

А сейчас Мария смотрела на дым, поднимающийся над ТЦ «Апрель», и слышала, как внутри неё что-то умерло.

И что-то другое — родилось.

Холодное. Точное. Хирургическое.

Глава 1. Точность

Четыре месяца назад. Санкт-Петербург, клиника «Атлантида».

Тишина в операционной была абсолютной — той особенной тишиной, которая бывает только под наркозом. Мария Андреевна Волконская стояла над столом уже третий час. Её руки, затянутые в перчатки цвета охры, двигались с пугающей плавностью — микрон за микроном, разрез за разрезом.

— Скальпель, — сказала она негромко, и медсестра Анжелика вложила в её пальцы инструмент, даже не взглянув на столик. Она знала: у Марии Андреевны есть правило — подавать инструмент мгновенно, без команды «подайте». Но сегодня она всё равно говорила. Не для сестры. Для себя. Чтобы не провалиться в эту слепую, беззвучную глубину концентрации, где исчезает всё — время, город, мужчины, проблемы.

Пациентка — сорокатрёхлетняя жена депутата Законодательного собрания — лежала с разметкой на лице зелёным маркером. Риносептопластика с остеотомией. Сложный случай: после аварии у неё был сломан нос, неправильно сросся, и плюс — искривление перегородки, которое мешало дышать. Три предыдущих хирурга отказались. Четвёртый согласился за двести тысяч евро. Пятым была Мария.

Она работала как ювелир. Отделила слизистую от хряща, не задев нервные окончания. Удалила фрагмент четырёхугольного хряща, формируя новый остов. Молоток и долото для остеотомии — пять точных ударов, чтобы сломать кость в нужном месте и сместить её на миллиметр влево. Ни одним лишним движением. Стажёры в соседней комнате за стеклом смотрели, открыв рты. Мария не замечала их.

— Кровь почти не идёт, — прошептала Анжелика. — Вы колдунья.

— Анатомия, — ответила Мария, не отвлекаясь. — Если знаешь, где проходит каждая артерия, кровь течёт только туда, куда ты ей разрешаешь.

Она наложила швы — внутри носовых ходов, невидимые глазу. Потом внешний шов на перегородке носа. Семь стежков. Каждый идеальный. Когда она закончила, часы показывали без пятнадцати три ночи.

— Передайте в реанимацию, — снимая перчатки, сказала Мария. — Первые сутки лёд каждые два часа. Профилактика отёка — по протоколу. Я заеду в девять утра.

Анжелика кивнула, но Мария заметила, что та хочет что-то сказать. Сестра мялась, перебирая салфетки.

— Говори, — бросила Мария, бросая перчатки в контейнер для биологических отходов.

— Там... вас в приёмной ждёт мужчина, — тихо сказала Анжелика. — Часа два уже. Я говорила, что вы на операции, но он сказал, что будет ждать. Сказал, что это срочное. По личному делу.

Мария замерла. Личное дело — это могло означать только одно. Или мать (но мать звонит сама, а не присылает гонцов), или брат. Алексей.

— Как он выглядит?

— Средних лет, уставший. Форма не форма, но... похож на полицейского. Или бывшего военного.

— Проводи в малый кабинет. Через пять минут.

Она умылась, стянула шапочку и маску. В зеркале отразилось лицо тридцатипятилетней женщины с острыми скулами, прямым носом (её собственный, природный — иронично, что пластический хирург не делала себе ни одной операции) и глазами цвета тёмного янтаря. Под глазами залегли тени — ночь давала о себе знать. Мария достала из шкафчика чистую водолазку, накинула белый халат поверх и вышла в коридор.

Запах озона и стерильности сменился ароматом кофе из автомата. Она ненавидела этот кофе, но сейчас налила себе полную кружку и вошла в малый кабинет.

Мужчина поднялся. Форма — точно полицейская, но без погон. Лицо с глубокими морщинами, короткий ершистый ёжик седых волос, челюсть квадратная, как кирпич. Он представился:

— Подполковник Горелов. Управление Следственного комитета.

— Садитесь, — Мария села напротив. — Мой брат жив?

Вопрос прямой, как удар. Горелов дёрнулся.

— Жив, Мария Андреевна. Физически — да.

— Тогда что случилось?

Горелов полез за пазуху, достал помятый конверт, но не отдал — положил на стол, придавив пальцем.

— Ваш брат, Алексей Волконский, сотрудник МЧС, старший лейтенант, был задержан сегодня в двадцать один сорок. По подозрению в поджоге торгового центра «Апрель».

Мария не моргнула. Внутри что-то рухнуло — как лифт, который обрывает тросы. Но на лице — ни тени.

— В поджоге, где погибли двадцать человек?

— Вы уже знаете.

— Я включила новости, когда зашивала перегородку. — Она отхлебнула кофе. — Горький. Продолжайте.

Горелов внимательно посмотрел на неё. Таких женщин он не любил — слишком холодных, слишком контролирующую ситуацию. Они не плачут в жилетку, не задают глупых вопросов. Они опасны.

— В машине вашего брата, припаркованной в двух кварталах от ТЦ, обнаружены три двадцатилитровые канистры с остатками бензина. На канистрах — его отпечатки. Камеры наружного наблюдения зафиксировали, как он заезжал на АЗС «Лукойл» на Таллинском шоссе в 20:47 и покупал три канистры и сорок литров бензина. Расчёт — картой. Карта — его именная.

— Камеры можно подделать. Карту можно украсть. Отпечатки — подбросить, если он в тот день касался канистр на работе. Вы же знаете: пожарные работают с бензином.

— Знаю, — согласился Горелов. — Но есть ещё показания. Двое свидетелей видели, как мужчина в форме МЧС закладывал канистры в подсобное помещение ТЦ за час до пожара.

— И они опознали именно моего брата?

— По росту и телосложению. Лица в капюшоне не разглядели.

— То есть не опознали, — Мария поставила чашку. — Почему вы пришли ко мне, подполковник? Это не в ваших правилах — предупреждать родственников подозреваемого на ночь глядя.

Горелов наконец, отпустил конверт и откинулся на спинку стула.

— Потому что дело ведёт не наш отдел, — сказал он тихо. — Дело забирает прокуратура. Лично помощник прокурора Звонарев. И когда Звонарев берёт дело, это значит, что приговор уже написан. Мне не нравится, когда приговор пишут до того, как были допрошены свидетели.

Мария внимательно посмотрела на него. Горелов не казался подставным — слишком усталым для актёра. Слишком прямой.

— Сколько у меня времени?

— До утра. Завтра в девять Звонарев подпишет постановление об аресте. Вы сможете встретиться с братом в СИЗО после обеда.

— Адвокат нужен. Лучший. Не тот, что от системы, — она уже открывала телефон.

— У меня есть контакт, — Горелов протянул визитку. — Григорий Рубинштейн. Дорогой, злой и независимый. Звонарев его ненавидит, но ничего сделать не может — у Рубинштейна связи на самом верху.

Мария взяла визитку. Картон тонкий, логотип — только имя и номер.

— Зачем вы это делаете, подполковник?

Горелов встал, одёрнул китель.

— Потому что двадцать человек погибли, а истинного виновника не ищут. Потому что я тридцать лет служил не для того, чтобы какой-то помощник прокурора, с дипломом, купленным менял правду на зелёные бумажки. И потому что ваш брат — дурак, каких поискать. — Он вздохнул. — Чистый. Такие не поджигают.

— Спасибо, — сказала Мария.

— Не благодарите. Если Звонарев узнает, что я к вам пришёл, он сделает меня свидетелем по делу о воспрепятствовании следствию.

Горелов вышел. Мария осталась сидеть, глядя на остывший кофе.

Четыре часа спустя

Клиника «Атлантида» занимала третий этаж бизнес-центра на Крестовском острове. Из окон кабинета Марии открывался вид на яхты, пришвартованные у причалов, и серую воду Финского залива. На столе — дипломы, лицензии, фотография с Алексеем на Байкале. Ему тридцать два, ей тридцать пять. Они похожи: одинаковый разрез глаз, одинаковая привычка прищуриваться, когда думают.

Мария смотрела на фото и вспоминала их последний разговор три дня назад. Алексей приезжал занять денег на новую форму для отделения — у них вечно урезали бюджет. Она дала, конечно. Он тогда сказал: «Маш, ты как наш ангел-хранитель. Вот бы все проблемы решались деньгами». А она ответила: «Все проблемы не решаются, Леш. Но некоторые — да».

Теперь он сидит в камере. Брат, который тушил пожары, вытаскивал людей из горящих машин, который однажды нырнул в ледяную воду, чтобы достать ребёнка. И ему грозит пожизненное — за двадцать смертей.

Мария набрала номер Рубинштейна. Трубку сняли после третьего гудка.

— Григорий Семёнович. Меня зовут Мария Волконская. Мой брат — Алексей Волконский, обвиняется в поджоге ТЦ «Апрель». Мне дали ваш контакт.

— Кто дал? — голос у адвоката был скрипучий, как несмазанная дверь.

— Подполковник Горелов.

Пауза.

— Понял. Приезжайте ко мне в офис в девять утра. Возьмите всё, что есть: документы брата, его телефонные записи, банковские выписки, список знакомых. И приготовьте триста тысяч аванса. Валюта — евро.

Мария не спросила, почему евро. Не спросила, почему так дорого. Она сказала: «Привезу».

Утро

Офис Рубинштейна находился на Лиговском проспекте, в здании с лепниной на фасаде и грязными окнами. Внутри оказался ремонт уровня «богатый бедняк» — кожаные кресла потрёпанные, но удобные, секретарша с татуировкой на шее и лицом человека, который видел всё и ничего не боится.

— Проходите, он ждёт, — кивнула секретарша на дубовую дверь.

Рубинштейн оказался невысоким, лысеющим мужчиной лет пятидесяти с животом, который он пытался скрыть жилеткой. Он читал бумаги, не поднимая головы, жестом указал на стул.

— Я выяснил следующее, — начал он без приветствия. — Дело ведёт Игорь Сергеевич Звонарев. Тридцать восемь лет, женат, двое детей, карьера — стремительная. Два года назад был обычным помощником, сейчас — правая рука прокурора области. Деньги у него есть, но официальных доходов не хватает даже на квартиру в центре, которую он снимает.

— То есть коррупция?

— То есть не моя работа. Моя работа — вытащить вашего брата. Для этого нужно собрать альтернативную версию. Кто мог хотеть сжечь ТЦ «Апрель»?

Мария открыла папку, которую привезла с собой.

— Торговый центр принадлежал ООО «Апрель-Инвест». Учредитель — Владимир Степанович Казаков, шестьдесят восемь лет, умер за месяц до пожара. Инфаркт. Наследники — дочь и сын. Они выставили здание на продажу за триста пятьдесят миллионов. И были покупателями.

— Кто?

— Группа компаний «Золотые купола». Застройщики. Они хотели снести ТЦ и построить на его месте жилой комплекс премиум-класса. Но Казаков при жизни отказывался продавать — говорил, что это память о его первой жене, она открыла там маленький магазинчик в девяностые. Сын и дочь настроены, продать, но сделка зависла из-за спора о наследстве.

Рубинштейн наконец, поднял глаза.

— Вы копали глубже, чем я ожидал.

— Я хирург, — пожал плечами Мария. — Прежде чем резать, нужно изучить анатомию.

— Хорошо. Тогда скажите мне, доктор: как «Золотые купола» связаны со Звонаревым?

— У них есть один общий знакомый. Борис Гусев, заместитель гендиректора «Золотых куполов». Он и Звонарев вместе учились в академии Следственного комитета. А ещё Гусев — владелец долей в трёх фирмах, куда перечисляются деньги со счетов, которые подконтрольны... — она сделала паузу, — жене Звонарева.

Рубинштейн присвистнул.

— И откуда у вас такие данные?

— Есть люди, которые умеют проверять реестры.

Она не стала говорить, что заплатила бывшему сотруднику ФСБ за ночную выписку. Пятнадцать тысяч евро — половина гонорара за одну операцию. Деньги не проблема. Время — проблема.

— Итак, — подвёл итог адвокат. — У нас есть мотив: застройщики хотят освободить участок. Есть исполнитель — кто-то, кто подставил вашего брата. Есть заказчик — вероятно Гусев. И есть крыша — Звонарев, который гарантирует, что виновным признают Алексея.

— Нужен свидетель, — сказала Мария. — Кто-то, кто видел, как канистры заносили не мой брат.

— Такие свидетели быстро умирают, — жёстко ответил Рубинштейн. — Или пугаются.

— Тогда нужно найти такого, который уже ничего не боится. Или которому есть что терять больше, чем жизнь.

Рубинштейн посмотрел на неё долгим взглядом.

— Знаете, Мария Андреевна, я думал, что вы очередная истеричная богатая сестра, которая будет мешать. Но вы... вы не истеричная. Вы опасная.

— Спасибо, Григорий Семёнович. Я восприму это как комплимент.

Встреча в СИЗО

Следственный изолятор №3 — «Кресты» — встречал запахом хлорки и отчаяния. Мария прошла через два поста, оставила телефон, ключи, часы. Её провели в комнату для свиданий со стеклянной перегородкой.

Алексей выглядел плохо. Не то чтобы избито — нет, пока не били. Но глаза — они стали чужими, потерянными. Он всегда был улыбчивым, шумным, пахло от него дымом и хлебом. Сейчас он сидел, обхватив плечи, и казался стариком.

— Леш, — Мария прижала ладонь к стеклу. Он поднял свою — на секунду, но не стал прижимать.

— Машка, я не делал этого. Ты веришь? — голос сорванный, будто он кричал.

— Верю. Я уже работаю. У нас есть адвокат, есть версия, есть связи.

— Ничего не выйдет, — Алексей дёрнул головой. — У них всё схвачено. Следовательно этот — Звонарев — он приходил сам. Улыбался. Сказал, что если я сознаюсь, дадут восемь лет общего режима. А если нет — пожизненное. И добавил: «Твоя сестра — красивая женщина. Жалко, если с ней что-то случится».

Мария похолодела. Но лицо не дрогнуло.

— Он угрожал мне через тебя?

— Он угрожал тебе. Машка, отойди от дела. Пожалуйста. Я выдержу. Лучше я сяду, чем ты...

— Заткнись, — сказала она твёрдо. — Ты сядешь только через мой труп. А я, знаешь ли, не планирую умирать. Слушай меня. Ты ни в чём не сознаёшься. Ты молчишь. Адвокат придёт сегодня вечером. Всё, что ты говорил до этого — забудь. Тебя не допрашивали.

— Но они уже записали...

— Плевать. Скажешь, что был в шоке, не понимал, что подписываешь. Это стандартная процедура. Григорий Семёнович всё разрулит.

Алексей посмотрел на неё — как на спасательный круг.

— А ты? Ты куда?

— Я — искать свидетеля, который тебя спасёт.

Три дня спустя

Мария сидела в своём кабинете, когда пришло сообщение от Рубинштейна: «Нашёлся человек. Уборщица ТЦ. Видела, как двое мужчин в форме МЧС заносили канистры в подвал. Настоящая форма — с шевронами. Но лица не разглядела. Готова дать показания. За деньги».

Мария тут же перевела пять тысяч евро на указанный счёт. Следом — ещё пять. Договорились о встрече через два дня в нейтральном месте.

Она не знала, что Звонарев уже получил копию этой переписки.

Её телефон был прослушан.

Уже на следующий день уборщицу Ольгу Кравчук нашли мёртвой в её собственной квартире. Шприц в руке, рядом кетамин. Официальная версия — передозировка. Хотя друзья клялись, что Ольга никогда не употребляла ничего крепче валерьянки.

Мария узнала об этом из новостей.

Она сидела перед телевизором с чашкой чая, смотрела на худое лицо мёртвой женщины с экрана и чувствовала, как внутри что-то ломается окончательно. Что-то, что держало её в рамках приличий, закона, морали.

— Игорь Сергеевич, — прошептала она, — вы только что подписали себе приговор.

Она не знала, что Звонарев подписал свой приговор той же ночью.

Глава 2. Пепелище

Санкт-Петербург, ТЦ «Апрель», 8:47 утра.

Дорога до места пожара заняла сорок минут — Мария выехала из клиники в седьмом часу, но успела попасть в пробку на ЗСД. Кто-то врезался в отбойник, и теперь синие ведёрки ДПС перекрыли две полосы. Она сидела за рулём своего чёрного Mercedes GLE, сжимая руль так, что костяшки побелели.

Рядом, на пассажирском сиденье, лежала папка с документами, которую собрал Рубинштейн. Экспертизы, выписки, показания — то небольшое, что удалось выудить до того, как Звонарев засекретил дело. Мария перечитывала их на светофорах, хотя знала почти наизусть.

Актное заключение: «Причина возгорания — короткое замыкание электропроводки в подвальном помещении». Пожарно-техническая экспертиза, подписанная неким майором Смагиным, утверждала, что очаг находится в электрощитовой на минус первом этаже. Там же, где позже нашли остатки канистр — тех самых, с отпечатками Алексея.

Странно, думала Мария. Если очаг в электрощитовой, то откуда там канистры с бензином? Их должны были уничтожить огнём. А они — целёхонькие, только оплавилась. Словно их подбросили после того, как пожар потушили.

Она вспомнила, как на первом курсе медакадемии у них был цикл по судебной медицине. Профессор говорил: «Запомните, девочки и мальчики: идеальных поджогов не бывает. Бывают идеальные подставы». Тогда она не поняла. Сейчас понимала слишком хорошо.

Пепелище

Она припарковалась у оцепления за час до того, как должна была начаться пресс-конференция. На месте пожара всё ещё копошились люди в бахилах — эксперты, криминалисты, просто зеваки в форменных куртках, которые делали вид, что работают.

ТЦ «Апрель» представлял собой трёхэтажное здание позднесоветской постройки — типовой проект «универмаг с подземным переходом». Фасад когда-то был выкрашен в бежевый, но теперь его покрывала копоть, перемешанная с инеем. Крыша обрушилась в центре, напоминая впадину на черепе. Окна выбиты, чёрные провалы глазниц. Изнутри всё ещё тянуло гарью — едкий, пропитывающий запах, который Мария знала по операционной, когда прижигают сосуды. Только там пахло пригоревшим мясом. А здесь — чем-то сладковатым, приторным.

Она подавила рвотный рефлекс.

— Женщина, вам нельзя, — к ней подскочил молодой капитан в бахилах, натянутых поверх берцев. — Только сотрудники.

— Я — сестра Алексея Волконского, обвиняемого. Имею право ознакомиться с местом происшествия через адвоката, — она показала доверенность, которую оформил Рубинштейн за полчаса до её выезда. — Вот подпись следователя. Если не верите, звоните Звонареву.

Капитан замялся. Звонарева он явно боялся больше, чем нарушения инструкции. Но документы были в порядке, печать стояла, подпись — факсимильная, но кто ж проверит.

— Пять минут, — бросил он. — И не трогайте ничего.

Мария надела бахилы, которые дали на входе, и шагнула за ленту.

Первый шаг — и реальность раскололась.

Здесь, внутри оцепления, мир был другим. Воздух вибрировал от напряжения — как перед землетрясением. Гул генераторов, треск раций, редкие окрики. И тишина — та, что бывает на кладбище. Двадцать человек погибли. Двадцать тел вынесли отсюда за двое суток. Мария смотрела на почерневшие стены и пыталась представить, как они кричали. Как искали выходы, которых не было.

Спасатели потом рассказывали: аварийные двери были заблокированы изнутри. Кто-то накрутил на засовы стальные тросы. Люди бились в них, ломали ногти, разбивали лица — и умирали от угарного газа в двух метрах от свободы.

Мария шагнула дальше.

Подвал

Она спустилась по аварийной лестнице на минус первый этаж. Здесь было темно, пахло сыростью и горелым пластиком. Эксперты с фонариками копошились в дальнем углу — у электрощитовой. Мария двинулась туда, стараясь не наступать в лужи.

— Вам сюда нельзя, — окликнул её эксперт в очках с толстыми линзами. — Обрушение возможно.

— Я быстро, — она уже была внутри.

Электрощитовая оказалась небольшой комнаткой без окон. Металлические шкафы с рубильниками, оплавленные провода, капающая с потолка вода — пожарные залили всё пеной. На полу — маркерные квадратики, обозначающие места улики.

— Очаг здесь? — спросила Мария у эксперта. Тот нехотя кивнул.

— Короткое замыкание. Проводка старая, нагрузка большая. Искра — и всё.

— А канистры?

— Что — канистры?

— Говорят, нашли три канистры с остатками бензина. Рядом с электрощитовой.

Эксперт скривился.

— Это не наша зона. Канистры — дело дознавателей. Но если короткое замыкание и бензин, то должна была быть вспышка. А тут — просто тление. Странно.

— Что именно странно?

Он оглянулся, понизил голос.

— Температура плавления медной проводки — тысяча градусов. При коротком замыкании происходит дуга, оплавляются жилы. У нас — да, оплавилась. Но если бы был бензин, то температура подскочила бы до полутора тысяч, и медь бы просто испарилась. А она — целая, только оплавлена. Как при обычном пожаре. Без ускорителя.

Мария запомнила это.

— Спасибо, — сказала она и вышла.

Стены

Она поднялась на первый этаж. Здесь было светло — крыша частично обрушилась, и в проёмы лился серый утренний свет. Мария медленно обходила периметр, глядя на стены.

И увидела.

В южной части здания, у выхода в парковочную зону, бетонные стены были покрыты трещинами. Но не обычными — не теми, что возникают от теплового расширения при пожаре. Эти трещины шли не радиально, а вертикально, и края их были ровными, словно кто-то прошёлся зубилом.

Мария подошла ближе.

Стена была вздута — не от огня, а от удара. Она видела такие в новостях после терактов. Это могло быть только одно: взрыв. Не пожар. Взрыв.

— Эксперт! — крикнула она. Тот в очках нехотя подошёл.

— Что это? — спросила Мария, указывая на трещины.

— Термические деформации, — пожал плечами мужчина.

— Нет, — она покачала головой. — Термические деформации дают паутину. А это — направленный удар. Как при детонации газа. У вас в подвале были газовые баллоны?

— Не было. Там только электрощитовая и складские помещения.

— Тогда что могло создать такое давление?

Эксперт замолчал. Он смотрел на трещины и явно видел то же, что и Мария. Но не хотел признавать.

— Я напишу в рапорте, — сказал он тихо. — Но сомневаюсь, что это дойдёт до следователя.

— Потому что рапорт ляжет на стол Звонареву, — закончила Мария. — А Звонареву нужна версия короткого замыкания.

Эксперт ничего не ответил, отвернулся и ушёл.

Следователи

Мария вышла на улицу. Перед входом в ТЦ стояла группа людей в штатском — следователи, криминалисты, понятые. Они курили, переговаривались вполголоса, кто-то смеялся над шуткой. На фоне чёрного здания эта картина казалась кощунственной.

Мария подошла ближе.

— Извините, — обратилась она к мужчине с папкой. — Вы кто по делу?

— Следователь Круглов, — представился он. — А вы?

— Мария Волконская. Сестра обвиняемого.

Круглов напрягся. Остальные тоже замолчали, затаились и отвели глаза.

— Вам здесь не место, — сказал он ледяным тоном.

— Я имею право.

— Право у вас будет в суде. А здесь — место происшествия. Уходите, пока я не вызвал охрану.

Мария не двинулась.

— Скажите, следователь Круглов, вы почему-то не задаётесь вопросом: зачем пожарному, который прекрасно знает, что канистры взрываются при нагревании, закладывать их в подвал с электрощитовой, где температура достигает тысячи градусов? Это самоубийство. Он бы погиб первым.

Круглов дёрнул щекой.

— Улик достаточно. Следствие разберётся.

— Разберётся? — Мария повысила голос. — Двадцать человек погибли, а вы стоите и курите, как на пикнике! Где исследование газового фона? Где проверка аварийных выходов? Где допросы сотрудников охраны?

— Всё делается в установленном порядке, — отрезал Круглов.

— В установленном порядке? — она почти кричала. — А может, в установленном — значит, что нужно свалить на первого попавшегося и закрыть дело, чтобы не мешать застройщикам?

Круглов побледнел.

— Ещё одно слово, и я вас арестую за воспрепятствование следствию.

— Арестуйте, — Мария шагнула к нему. — Арестуйте — и объясните потом журналистам, почему вы арестовали сестру обвиняемого, которая просто задавала вопросы. Я с удовольствием расскажу им про трещины от взрыва, про оплавленную проводку без испарения меди и про то, что вы даже не зафиксировали расположение канистр на схеме.

Круглов открыл рот, но в этот момент к ним подошёл мужчина в дорогом пальто. Тот самый. С родимым пятном на шее — телохранитель Звонарева, которого она видела в первый день.

— Мария Андреевна, — сказал он спокойно. — Игорь Сергеевич просил передать, что он будет рад видеть вас завтра в десять утра в своём кабинете для дачи показаний. А сейчас — настоятельно рекомендует покинуть территорию.

Голос у него был мягкий, почти вкрадчивый. Но в глазах — ничего. Пустота. Такие люди не говорят «пожалуйста». Они говорят «рекомендует», и это значит «или уйдёте сами, или вас вынесут».

Мария посмотрела на него, потом на Круглова, на курящих следователей, на чёрное здание, из которого всё ещё пахло смертью.

— Передайте вашему Игорю Сергеевичу, — сказала она тихо, — что я обязательно приду.

Она развернулась и пошла к машине.

В машине

Она сидела за рулём, не заводя двигатель. Руки дрожали. Не от страха — от ярости. Она видела картину целиком: вялые следователи, которые даже не пытаются искать правду; эксперт, который боится писать правду; телохранитель, который следит за каждым её шагом.

Круглов сказал: «Улик достаточно». Но какие улики? Три канистры с отпечатками брата. Видео с заправки, где он покупает бензин. И больше ничего. Ни свидетелей, ни орудия поджога, ни мотива.

Какой мотив мог быть у Алексея? Он не был знаком с владельцем ТЦ. Не имел долгов. Не состоял в радикальных группировках. Он просто пожарный, который однажды вытащил из горящего дома троих детей и получил медаль «За отвагу».

Мария достала телефон. Набрала Рубинштейна.

— Григорий Семёнович, я была на пепелище.

— Офигеть, — отозвался адвокат. — Вас не выгнали?

— Выгнали. Но я успела посмотреть. Там была не проводка. Был взрыв.

— Доказательства?

— Трещины на стенах. Эксперт подтвердил, что характер разрушений не соответствует термической деформации. Но он боится писать рапорт.

— Конечно, боится, — вздохнул Рубинштейн. — Если он напишет правду, его уволят. Или хуже.

— Тогда найдём другого эксперта. Независимого.

— Деньги?

— Есть.

— Хорошо. Я знаю одного — из Питерского университета МЧС. Профессор Зайцев. У него репутация железобетонная. Но он дорогой и нервный.

— Сколько?

— Триста тысяч рублей плюс расходы.

— Пусть приезжает завтра. Я оплачу.

Рубинштейн помолчал.

— Мария Андреевна, вы уверены? Если Звонарев узнает, что вы наняли независимого эксперта, это будет прямая конфронтация. Он может ответить.

— Он уже ответил, — сказала Мария. — Он убил свидетельницу. Убил, чтобы защитить застройщиков. Какая разница, узнает он или нет? Он и так мой враг.

— Тогда другой вопрос, — адвокат понизил голос. — Вы готовы к тому, что война будет не на жизнь, а на смерть? Звонарев не просто карьерист. У него связи в криминале. Мне говорили, он курирует не только «Золотые купола», но и несколько контор, которые решают вопросы мокрыми методами.

— Готовы? — переспросила Мария. — Нет. Но выбора у меня нет.

Она сбросила звонок и завела двигатель.

Вечер

Мария вернулась в клинику к обеду. В приёмной её ждала Анжелика с пачкой бумаг.

— Мария Андреевна, у нас послезавтра операция — миссис Кузнецова, круговая подтяжка. Нужно подтверждение.

— Отмените.

— Но она заплатила аванс...

— Верните в двойном размере. Скажите, что я уехала по семейным обстоятельствам.

Анжелика открыла рот, чтобы возразить, но посмотрела в глаза Марии и передумала. Такие глаза она видела только раз — когда хоронили мать.

— Хорошо. Что-то ещё?

— Найдите мне данные на всех сотрудников службы безопасности ТЦ «Апрель». Кто работал, кто уволился, кто был на смене в день пожара. Любым способом.

— Это может быть незаконно.

— Анжелика, — Мария устало улыбнулась, — мне уже грозит тюрьма за то, что я сестра поджигателя. Ещё пара статей погоды не сделает.

Сестра кивнула и вышла.

Мария осталась одна в кабинете. Она открыла ноутбук, нашла спутниковые снимки ТЦ «Апрель» за последний год. Сравнила с тем, что видела сегодня. На снимках была видна парковка, запасной выход, вентиляционные шахты.

Она увеличила изображение.

Рядом с запасным выходом, со стороны улицы, стоял синий «Форд Фокус». Мария приблизилась — номер не разобрать, камера слишком низкого разрешения. Но машина стояла там несколько дней подряд. Судя по теням — в одно и то же время. Будто кто-то вёл наблюдение.

— Кто же ты? — прошептала Мария.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошел Рубинштейн — запыхавшийся, с мокрыми от дождя плечами. Он сел в кресло, вытер лоб платком.

— Я был в суде. Звонарев добился ареста вашего брата. До суда он будет сидеть в СИЗО. Наша просьба о домашнем аресте отклонена.

— Неожиданно, — сухо сказала Мария.

— Ещё не всё, — Рубинштейн вытащил из портфеля бумагу. — Сегодня утром поступил новый документ. Свидетельские показания. Некто гражданин Смирнов утверждает, что видел, как ваш брат выходил из подвала ТЦ за десять минут до пожара. С лицом, вымазанным сажей.

— Ложь.

— Конечно, ложь. Но теперь у Звонарева есть два свидетеля — тот, который опознал по телосложению, и этот, который видел лицо. И оба — сомнительные личности: Смирнов трижды судим за мошенничество. Но суд это не интересует.

Мария встала, подошла к окну. На Крестовском острове зажигались фонари. Где-то там, в «Крестах», сидел её брат и, наверное, думал, что она его бросила.

— Григорий Семёнович, — сказала она, не оборачиваясь. — Найдите мне Смирнова. Я хочу с ним поговорить.

— Он может отказаться.

— Не откажется. У каждого есть цена. Или слабое место.

Рубинштейн долго молчал.

— Знаете, Мария Андреевна, я начинаю бояться не Звонарева. Я начинаю бояться вас.

— Правильно делаете, — ответила она и улыбнулась в темноту окна. — Бойтесь.

Глава 3. Брат

Следственный изолятор №3 «Кресты», Санкт-Петербург, 14:30.

Мария стояла у входа в тюремный комплекс уже пятнадцать минут. Её пропускали долго — досмотр, проверка документов, долгое ожидание в коридоре с облупившейся краской. Женщина в окошке регистрации, похожая на уставшую училку, трижды перепроверяла её доверенность, словно искала повод отказать.

— Ваш брат в четвёртом корпусе, камера 217, — наконец буркнула она. — Свидание через стекло. Без передачи предметов. Время — тридцать минут.

— Я знаю правила, — ответила Мария.

Она прошла через металлоискатель, оставила телефон и ключи в ячейке, натянула поверх халата бахилы. Её провели длинным коридором, пахнущим хлоркой и кислым потом. Где-то за стенами кто-то плакал — негромко, надрывно, как ребенок, которого никто не слышит.

— Сюда, — конвоирша, коренастая женщина с лицом боксера, толкнула тяжёлую дверь. — У вас тридцать минут. Не стучите по стеклу. Не говорите громко. Не пытайтесь передать предметы.

— Я поняла.

Мария вошла в комнату для свиданий. Обычно такие помещения показывают в фильмах про тюрьмы: длинный стол посередине, по бокам — пластиковые стулья. Но здесь было иначе. Здесь между ней и братом было толстое пуленепробиваемое стекло. И разговаривать предстояло через встроенный телефон — черную трубку на ржавом шнуре.

По ту сторону стекла уже сидел Алексей.

Он выглядел ужасно. Не просто похудевшим или уставшим — опустошенным. За четыре дня в СИЗО он, казалось, постарел на десять лет. Под глазами — синие круги, на скулах — ссадины (ударился? или ударили?). Форменная куртка МЧС, в которой его задержали, исчезла — теперь на нём была серая роба с номером на спине. Волосы спутаны, небритость придавала ему вид бродяги.

Но глаза.

Глаза были живые.

Они смотрели на Марию с такой смесью надежды, вины и животного страха, что у неё перехватило горло.

Она взяла трубку. Алексей сделал то же самое.

— Машка, — голос его сел до хрипа, словно он кричал или не пил несколько дней. — Ты пришла.

— Я же обещала, — сказала она ровно, хотя внутри всё дрожало. — Как ты?

— Как в аду, — он усмехнулся криво, но в глазах мелькнуло что-то прежнее — его ирония, его умение не унывать. — Кормят баландой. Сокамерник — маньяк, который кошек резал. Сказал, что я ему нравлюсь.

— Боже, — Мария прижала трубку к уху плотнее. — Я переведу деньги, тебя переведут в другую камеру.

— Не поможет, — Алексей покачал головой. — У них тут всё схвачено. Старший прапорщик приходил, сказал: «Ты, Волконский, сиди тихо. Если начнёшь дёргаться — организуем тебе „несчастный случай“». Это Звонарев, да? Он всех купил?

— Похоже на то, — Мария вздохнула. — Леш, расскажи мне всё с самого начала. Что случилось в тот вечер?

Алексей закрыл глаза. Когда он открыл их снова, в них была пустота — та, что появляется у людей, переживших катастрофу.

Рассказ

— Это было в субботу, — начал он медленно. — Мы заступили на смену в 20:00. Обычная ночь: чай, карты, дежурство. В 20:47 поступил вызов — пожар в ангаре на Варшавской улице. Я выехал на своей машине — начальник сказал, что основные силы уже в пути, но нужно проверить, ложный там вызов или нет. Такая практика: иногда диспетчеры ошибаются.

— Диспетчер? — переспросила Мария. — Кто конкретно?

— Девушка, Ирина. Я её знал, мы вместе работали. Она сказала, что звонок был с мобильного, голос мужской, взволнованный. Кричал: «Горим! Люди в ангаре!». Локация — Варшавская, 17.

— Ты поехал.

— Я поехал. Приехал — ни ангара, ни дыма, ничего. Пустырь. Я позвонил диспетчеру, сказал — ложный. Она: «Поняла, оформляю». Я развернулся, хотел вернуться в часть. И тут меня вызвали на настоящий пожар — ТЦ «Апрель». Я поехал туда. Прибыл — здание уже полыхало.

— И сразу тебя задержали?

— Нет, — Алексей дёрнул плечом. — Я работал. Помогал вытаскивать людей. Потом, часа через три, подошёл следователь и сказал: «Алексей Волконский, вы задержаны по подозрению в поджоге». Я не понял. Я думал, это шутка.

— А канистры? Откуда в твоей машине канистры?

— Не знаю, — он зло стукнул кулаком по подоконнику с той стороны. — Я не покупал никакого бензина! В тот день я заправил полный бак на «Газпромнефти», и всё. Карта у меня при себе. Но на канистрах — мои отпечатки.

— Ты мог касаться канистр на работе? — спросила Мария.

— Конечно, мог! У нас в части канистры для генератора. Мы их переносим, переставляем. Любой пожарный оставил бы там свои отпечатки. Но что они были именно в моей машине — это подстава.

— Кто мог подкинуть?

— Кто угодно. Я оставлял машину открытой иногда — во дворе части. У нас там все свои. Но теперь понимаю: могли залезть, поставить канистры в багажник, и всё.

Мария слушала, запоминая каждое слово.

— А ложный вызов? Кто звонил?

— Не знаю. Номер не определили — был зашифрован. Ирина сказала, что голос звучал неестественно, будто через приложение.

— Ирину допрашивали?

— Нет, — Алексей горько усмехнулся. — Я просил. Следователь сказал: «Это не относится к делу». Но я же понимаю: ложный вызов — это чтобы увести меня от ТЦ. Чтобы потом можно было сказать — он был на месте до пожара? Нет, он был на Варшавской. А канистры уже были в машине. А когда загорелось — он рядом.

Мария кивнула. Логика была жестокой и простой.

— Звонарев сам тебя допрашивал? — спросила она.

Алексей помрачнел.

— Да. Он приходил на второй день. Сидел напротив, улыбался, и говорил таким ласковым голосом, будто я пациент в морге. «Волконский, ты понимаешь, что двадцать человек погибли? Если ты сейчас не сознаешься, сядешь пожизненно. А если сознаешься — через восемь лет выйдешь, и никто не узнает». Я сказал, что не поджигал. Он тогда достал из папки фото — твоё.

— Моё?

— С порога клиники. Он сказал: «Красивая женщина. Сестра. Будет, очень жаль, если с ней случится что-то плохое. У нас в Петербурге темные улицы, лихие люди». Я вскочил,

хотел его ударить. Охрана скрутила. За это я получил трое суток ШИЗО. — Алексей показал садины на скулах. — Вот это — от них.

Мария похолодела. Не от страха — от ярости.

— Он угрожал тебе мной?

— Не в первый раз, — брат опустил голову. — На первом допросе, ещё до того, как я вскочил, он сказал: «Твоя сестра — лучший пластический хирург в городе. А это значит, что её клиентки — жёны очень богатых мужчин. Эти мужчины не любят, когда их женщин кто-то трогает. Но с ними можно договориться. Например, отказаться от защиты сестры. Тогда и ты получишь срок поменьше, и она останется цела».

Мария молчала. Она сжимала трубку так, что пластик скрипел.

— Что ты ему ответил?

— Я сказал, что пусть лучше меня убьют, чем я предам сестру, — Алексей улыбнулся — впервые за этот разговор. Криво, одними уголками губ, но искренне. — Мы же Волконские. Нас так воспитали.

— Дурак, — сказала Мария, но голос дрогнул. — Дурак ты, Лёшка. Если бы ты согласился, ты бы уже был на свободе.

— А ты бы была в канаве, — парировал он. — Нет уж. Лучше я сяду, чем ты умрёшь.

Они замолчали. В динамике слышалось только их дыхание — прерывистое, тяжёлое.

Следователь Круглов

— Леш, — Мария взяла себя в руки. — Расскажи мне про следователя, который ведёт дело. Кроме Звонарева. Есть кто-то ещё?

— Есть Круглов, — Алексей поморщился. — Молодой, тупой, выполняет всё, что Звонарев скажет. Он приходил, протокол подписывать. Я отказался, сказал, что в протоколе ложь. Он тогда взял мою руку и поставил отпечаток пальца на подпись. Сам.

— Что? — Мария не поверила. — Он подделал твою подпись?

— Ага. Я сказал, что буду жаловаться. Он засмеялся и сказал: «Жалуйся. Кому? Звонареву?».

— Это уголовное преступление.

— Машка, — Алексей вздохнул устало. — Здесь всё — уголовное преступление. Но кому до этого дело? У нас страна такая: полиция ловит воров, а прокуроры крадут всё остальное.

Мария задумалась. Ей нужен был рычаг. Что-то, за что можно зацепиться. Круглов — слабое звено. Молодой, амбициозный, вероятно, запуганный Звонаревым. Может быть, его можно перетянуть на свою сторону? Или хотя бы получить от него показания?

— У Круглова есть семья? — спросила она.

— Понятия не имею. А зачем?

— Затем, что у каждого человека есть слабость, — Мария посмотрела на брата прямо. — Пока есть только я. И у меня есть метод: если не знаешь, куда бить, бей в семью.

— Ты что, угрожать собралась следователю? — Алексей округлил глаза.

— Не угрожать. Договариваться. У него есть власть — изменить протокол. У меня есть деньги — купить ему новый автомобиль или оплатить лечение матери, если она больна. Все хотят чего-то. Найду, чего хочет Круглов. И предложу сделку.

— Это шантаж.

— Это бизнес, — поправила Мария. — Разница только в том, кто кому платит.

Беседа о Звонареве

— Леш, ты что-нибудь слышал о Звонареве? — спросила Мария. — До ареста, я имею в виду.

Алексей нахмурился, вспоминая.

— Слышал. Наши в МЧС часто пересекаются с прокуратурой. Говорили, что он «решальщик». Если нужно закрыть глаза на нарушения на стройке — к нему. Если нужно отмазать застройщика от проверок — тоже к нему. У него целая сеть.

— Сеть — это что?

— Информаторы. В полиции, в администрации, в СМИ. Он всё про всех знает. И использует это как оружие. Если кто-то переходит ему дорогу — у того находится наркотик в машине, или дочь подставляется, или компромат на жену. Он не бьёт в лоб. Он бьёт туда, где больно.

— А что насчёт «Золотых куполов»? — спросила она. — Ты знаешь эту компанию?

— Это застройщики, — кивнул Алексей. — Они хотели снести ТЦ «Апрель». У них там проект ЖК бизнес-класса. Земля дорогая, место хорошее. Владелец ТЦ умер, наследники продавали. Но у кого-то были другие планы. Видимо, ускорили процесс.

— Пожаром.

— Пожаром, — согласился Алексей. — Но зачем убивать двадцать человек? Зачем сжигать людей заживо, если можно просто поджечь пустое здание?

Мария не нашла ответа.

— Может, они не планировали жертв, — предположила она. — Может, поджигатели думали, что ТЦ пустой. Но охрана заблокировала выходы. Намеренно. Чтобы люди не могли выбраться. Это уже не поджог. Это теракт.

— И тогда мой поджог — мелкая статья, — добавил Алексей горько. — А настоящее дело закроют. Потому что застройщики не сами это делали. Им помогали.

— Вопрос: кто именно? Кто отдал приказ заблокировать двери?

— Может, охрана. Может, сам Звонарев.

— Звонарев — прокурор, — возразила Мария. — Он не может лично крутить тросы. У него есть исполнители. Нужно найти того, кто был внутри.

— Я слышал, — Алексей понизил голос, — что один из охранников ТЦ выжил. Он был в подвале, когда начался пожар, и успел вылезти через вентиляцию. Его нашли в трёх кварталах — в сознании, но в шоке. Скорую не вызывал, сам ушёл. И с тех пор его никто не видел.

Мария замерла.

— Как его зовут?

— Не знаю. Слышал от сокамерника — он сидел за кражу и работал в ТЦ грузчиком. Говорил, что охранника звали Игнат. Игнат Воронин. Высокий, худой, на шее шрам — то ли ножом порезали, то ли осколком.

— Шрам на шее, — повторила Мария, запоминая.

— Машка, ты что, найдёшь его?

— Найду, — сказала она твёрдо. — Или под землёй вырою.

Окончание свидания

В дверь постучали — конвоирша напоминала, что время вышло.

— Леш, — Мария встала, прижимая трубку к уху. — Я найду свидетеля. Я найду доказательства. Я вытащу тебя. Обещаю.

— Машка, — Алексей тоже встал. — Будь осторожна. Они убьют тебя, если ты подойдёшь слишком близко.

— Пусть попробуют, — она улыбнулась, но глаза остались холодными. — Я хирург. Я знаю, как резать, чтобы никто не заметил.

Она повесила трубку и пошла к выходу. В коридоре её догнал молодой конвоир, протянул конверт.

— Вам передали, — сказал он.

На конверте не было имени отправителя. Мария открыла — внутри лежал лист бумаги с одной фразой, напечатанной на принтере:

«Твой брат сгорит. Вопрос времени. Не лезь, сука»

Она скомкала бумагу, сунула в карман. Руки не дрожали.

Выйдя из «Крестов», она села в машину, завела двигатель и только тогда позволила себе выдохнуть. Один раз. Глубоко. Потом достала телефон, набрала номер Рубинштейна.

— Григорий Семёнович, узнайте всё про охранника Игната Воронина. Шрам на шее. Работал в ТЦ «Апрель». Исчез после пожара. Жив ли — неважно. Но если жив, мы его найдём.

— А если мёртв? — спросил адвокат.

— Тогда найдём того, кто его убил, — ответила Мария и нажала на газ.

Mercedes вылетел на набережную, рассекая серый питерский вечер.

Глава 4. Звонарев

Прокуратура Санкт-Петербурга, Синопская набережная, 10:00 утра.

Здание прокуратуры встречало мрамором и тяжелыми дверями. Мария прошла через пост охраны, предъявила паспорт и назвала имя: помощник прокурора Звонарев. Охранник, глядя на неё с ленивым любопытством, протянул журнал для записи.

— Вы по вызову?

— Да. Он назначил встречу на десять.

— Третий этаж, кабинет 317. Лифт направо.

Мария поднялась на лифте. Коридоры здесь пахли не хлоркой, как в «Крестах», а дорогим освежителем воздуха — с нотами сандала и бергамота. На стенах висели портреты генеральных прокуроров, прошлых и нынешних, в тяжелых рамах. Полы из полированного гранита отражали её фигуру — строгий костюм, волосы убраны в пучок, никакой косметики, кроме помады. Она хотела выглядеть профессионально, но не вызывающе.

Кабинет 317 оказался в конце коридора, с табличкой «Помощник прокурора Звонарев И.С. — приемная». Дверь была приоткрыта. Мария постучала и вошла.

Приемная оказалась небольшой, но обставленной с претензией: кожаный диван, живой фикус в кадке, на столике — свежий номер «Коммерсанта». Секретарша, блондинка лет двадцати пяти с идеальным маникюром, подняла голову.

— Мария Волконская, — представилась Мария. — У меня назначено.

— Игорь Сергеевич ждет, — секретарша нажала кнопку интеркома. — Проходите.

Кабинет

Кабинет Звонарева оказался просторнее, чем Мария ожидала. Окна выходили на Неву — открывался вид на Литейный мост и Петроградскую сторону. Стены были обшиты панелями из ореха, на полу — паркет «елочкой». В углу — флаг России и портрет президента. На отдельном столике — кофемашина и графин с водой.

Сам Звонарев сидел за массивным столом из темного дерева. Он поднялся, когда Мария вошла — вежливо, но не поспешно. Его костюм был безупречен: темно-синяя тройка с тонкой полоской, галстук в цвет глаз, запонки из белого золота. Он выглядел так, будто сошел со страниц мужского журнала. Аккуратная стрижка, легкая щетина, которая на любом другом выглядела бы небрежностью, а на нем — продуманной небрежностью.

И улыбка. Та самая улыбка рептилии — растянутые в тонкую линию губы, глаза остаются холодными и немигающими.

— Мария Андреевна, — он обошел стол и протянул руку. Пожатие было коротким и влажным. — Благодарю, что пришли. Присаживайтесь.

Она села в кресло напротив. Обивка кресла оказалась неудобной — слишком мягкой, заставляющей проваливаться. Сделано намеренно, чтобы посетитель чувствовал себя неуверенно. Мария выпрямила спину, положила руки на подлокотники — жест контроля.

— Вы сказали, что хотите взять у меня показания, Игорь Сергеевич. Я готова.

— Показания? — Звонарев изобразил удивление. — Ах да, конечно. Но сначала — кофе? Чай? Вода?

— Ничего, спасибо.

— Как хотите. — Он вернулся за стол, взял папку с надписью «Дело № 2024-117». — Итак, Мария Андреевна, вы — сестра обвиняемого Алексея Волконского. Пластический хирург, клиника «Атлантида». Известный специалист. Живете на Крестовском острове, замужем не были, детей нет. Всё верно?

— Я пришла говорить о брате, а не о себе.

— Но одно связано с другим, — Звонарев улыбнулся. — Видите ли, следствие всегда интересуется окружение обвиняемого. Близкие люди. Мотивы. Возможные сообщники.

— Вы считаете, я сообщница?

— Я ничего не считаю, — он развел руками. — Я изучаю факты. Факты таковы: ваш брат купил три канистры бензина, подъехал к ТЦ «Апрель», заложил их в подвал, и через двадцать минут начался пожар. Камеры зафиксировали его машину. Свидетели опознали его. Его ДНК найдено на месте преступления.

— Какое ДНК? — перебила Мария. — В отчете ничего не было.

Звонарев помедлил секунду, затем достал из папки лист и повернул к ней. Мария прочитала: «На окурке сигареты, обнаруженном у входа в подвал, выделена ДНК, совпадающая с профилем Волконского А.С.».

— Мой брат не курит, — сказала она.

— Курит, — Звонарев пожал плечами. — По показаниям сослуживцев, иногда.

— Он бросил пять лет назад после того, как у него на пожаре заложило легкие. Проверьте медицинскую карту.

— Зачем проверять, если есть прямое совпадение? — Звонарев убрал лист обратно в папку. — Мария Андреевна, я понимаю ваше желание защитить брата. Это естественно. Но, правда — вещь упрямая. Ваш брат совершил чудовищное преступление. Двадцать человек погибли. И чем раньше вы это примете, тем легче будет вам и ему.

— Вы хотите, чтобы я уговорила его признаться?

— Я хочу, чтобы вы не мешали правосудию, — мягко поправил Звонарев. — Если ваш брат признает вину, суд может смягчить приговор. Если будет заператься — пожизненное. Ему всего тридцать два. Он молодой мужчина. У него может быть будущее. За решеткой или — нет. Выбор за вами.

Мария смотрела на него, и в ее голове щелкали детали. Окуроч с ДНК — подобранный, разумеется. Показания сослуживцев — купленные. Камеры — либо смонтированные, либо использовавшие чужую машину, похожую на «Форд Фокус» Алексея (у него был серый «Форд», популярная модель). Всё это было шито белыми нитками. Но в руках Звонарева это работало.

— Игорь Сергеевич, — сказала она, — вы знаете, что я наняла независимого эксперта?

Звонарев не моргнул.

— Ваше право. Но учтите: независимый эксперт — это тот, кого можно купить. Как вы купили его.

— Я не покупаю экспертов. Я плачу за правду.

— Правда — это то, что решит суд, — Звонарев наклонился вперед. — А суд в этой стране решаю не я, а закон. И закон на стороне тех, у кого есть доказательства. А у вас, Мария Андреевна, доказательств нет. Только сестринская любовь и деньги. Но деньги не купят справедливость там, где у власти стоят честные люди.

Он сказал это с такой убежденностью, что Мария почти поверила. Почти.

— Вы честный человек, Игорь Сергеевич?

— Я прокурор, — он улыбнулся своей рептильной улыбкой. — Честность — это профессиональная деформация.

Фотография

Мария перевела взгляд на стену за его спиной. Там, между дипломом об окончании академии и благодарственным письмом от губернатора, висела фотография в серебряной рамке. Звонарев, улыбающийся, в кругу людей в дорогих костюмах. Мария узнала мэра Санкт-Петербурга — тот стоял в центре, рука на плече Звонарева. Рядом — мужчина с тяжелым подбородком и перстнем на мизинце. А ещё дальше — двое в камуфляже без знаков различия.

— Ваши друзья? — спросила Мария, кивнув на фото.

Звонарев обернулся, посмотрел на снимок.

— Коллеги. Взаимовыгодное сотрудничество.

— А тот, с перстнем? Не Борис Гусев, заместитель гендиректора «Золотых куполов»?

Тень пробежала по лицу Звонарева — быстро, как судорога. Но он взял себя в руки.

— Мы знакомы. Гусев — известный меценат. Помогает детским домам, больницам. С ним приятно иметь дело.

— И он же хотел снести ТЦ «Апрель», чтобы построить жилой комплекс. И он же ваш однокурсник. И он же, по некоторым данным, переводит деньги на счета вашей жены.

Звонарев поставил локти на стол и сложил руки домиком.

— Мария Андреевна, — голос его стал тише, почти ласковым. — Я вижу, вы начитались интернета. Там много грязи. Но давайте будем взрослыми людьми. Вы хотите спасти брата. Я хочу, чтобы убийца двадцати человек понес наказание. У нас разные цели. Но если вы продолжите копать там, где не надо, вы можете наткнуться на то, что причинит вам боль.

— Это угроза?

— Это предупреждение. — Звонарев разжал руки, взял со стола ручку и начал крутить её в пальцах. — В Петербурге очень скользкие набережные. Многие падают в Неву. Некоторые — не выплывают.

— Вы говорите, что убьете меня?

— Я говорю, что жизнь полна случайностей. — Он снова улыбнулся. — И я бы не хотел, чтобы с вами, Мария Андреевна, случилась случайность. Вы талантливый врач. Вы нужны людям. А ваш брат — он уже никому не нужен. Кроме вас. Но однажды вы поймете, что он — потерянная причина.

Мария встала.

— Мы закончили?

— Почти, — Звонарев тоже поднялся. — У меня к вам просьба. Не встречайтесь больше со свидетелями. Не нанимайте экспертов. Не пытайтесь самостоятельно расследовать то, что уже расследовано профессионалами.

— Это приказ?

— Это совет. — Он протянул руку. — Всего хорошего, Мария Андреевна.

Она не пожалала руку. Развернулась и пошла к двери.

— Мария Андреевна, — окликнул Звонарев. — Вы забыли папку.

Она обернулась. На столе лежала её папка с документами, которую она принесла. Но Мария не оставляла её на столе. Папка была в её руках, когда она входила. И сейчас она держала её в левой руке.

— Это не моя, — сказала она.

Звонарев усмехнулся.

— Присмотритесь.

Она открыла папку. Внутри были не её документы. Фотографии. Её машины. Её дома. Её клиники. И фотография Алексея — на нём были синяки, которых она не видела при свидании. Новые синяки.

— Я хочу, чтобы вы знали, — Звонарев сел обратно в кресло, закинул ногу на ногу. — Я могу достать любого. В любом месте. В любое время. Поэтому — не надо играть в детектива. Играйте в хирурга. Шейте лица. И не мешайте правосудию.

Мария закрыла папку, положила её обратно на стол.

— Вы правы в одном, Игорь Сергеевич, — сказала она спокойно. — Я хирург. А хирурги знают одну важную вещь: даже самая маленькая опухоль, если её вовремя не удалить, убивает организм. Вы — опухоль. И я вас удалю.

Звонарев рассмеялся — сухо, коротко.

— Удачи, доктор. Она вам понадобится.

Выход

Мария вышла из кабинета, прошла мимо секретарши, спустилась по лестнице. На улице она сделала глубокий вдох. Руки дрожали. Не от страха — от ярости. Она только что стояла лицом к лицу с врагом, и враг был силён. Не просто циничный карьерист — он был умен, хладнокровен и связан с людьми, у которых реальная власть.

Но она заметила кое-что. На фотографии — той самой, на стене. Рядом с Гусевым стоял мужчина в камуфляже без знаков различия. И этот мужчина был тем же самым, кто приходил к ней на пепелище — телохранителем Звонарева с родимым пятном на шее. Значит, он не просто охрана. Он — часть команды. Возможно, исполнитель.

Она достала телефон, набрала Рубинштейна.

— Григорий Семёнович, срочно найдите мне информацию о человеке с родимым пятном на шее. Он работает на Звонарева. Возможно, бывший военный. И найдите Игната Воронина. Живого или мертвого.

— А что случилось? — встревоженно спросил адвокат.

— Звонарев только что объявил мне войну, — ответила Мария. — Теперь моя очередь.

Она села в машину и поехала. В зеркале заднего вида она увидела чёрный седан, который тронулся следом. Хвост. Звонарев поставил за ней наблюдение.

Мария улыбнулась. Холодно, одними уголками губ.

— Игра началась, Игорь Сергеевич, — прошептала она. — И вы проиграете. Потому что вы играете по правилам. А я — нет.

Она свернула в переулок, нажала на газ, и через два поворота чёрный седан отстал — водитель не ожидал такого манёвра. Мария выехала на набережную и направилась к клинике.

Ей нужно было подготовиться. Потому что после сегодняшнего разговора стало ясно: спасти брата легальными методами невозможно. Звонарев контролирует всё — следствие, суд, свидетелей. Остаётся одно: играть по его правилам. То есть — без правил.

Глава 5. Архитектура лжи

Санкт-Петербург, офис Рубинштейна, 11:00.

Адвокат встретил Марию в дверях с неизменной чашкой кофе в руке и выражением усталого цинизма на лице. Он кивнул на кресло, сам опустился напротив.

— Я нашёл вам частного детектива, — без предисловий начал Рубинштейн. — Хорошего. Бывший опер из Управления экономической безопасности. Уволился после того, как его напарника посадили за взятку, а он отказался покрывать. Сейчас работает на себя.

— Зовут?

— Андрей Сергеевич Кравцов. Сорок пять лет. Лицензия есть, связи в администрации — тоже. Но он недешёвый.

— Называйте цену.

Рубинштейн назвал. Мария кивнула — сумма была сопоставима с двумя сложными рино-пластиками. Дорого, но не критично.

— Встреча через час в «Мяте» на Некрасова, — сказал адвокат. — И ещё, Мария Андреевна... Будьте с ним осторожны. Кравцов — хороший сыщик, но он играет по своим правилам. Иногда жёстким. Иногда незаконным.

— Значит, нам по пути, — ответила Мария и взяла такси.

Кафе «Мята», улица Некрасова, 12:30.

Она приехала за пятнадцать минут до назначенного времени. Место было выбрано нейтральное — заведение с большими окнами, где всё просматривалось насквозь. Ничего лишнего. Она заказала зелёный чай и стала ждать.

Ровно в 12:30 в дверь вошёл мужчина, которого невозможно было не заметить. Высокий, под два метра, с лицом, изрытым оспинами и старой шрамовой сеткой. Одет в кожаную куртку и джинсы, на поясе — кобура, хотя пистолета в ней не было. Глаза — цепкие, серые, с лёгкой асимметрией, которая придавала лицу выражение вечной насмешки. Он оглядел зал, увидел Марию и направился к ней, не спрашивая разрешения.

— Волконская? — он плюхнулся на стул напротив, даже не поздоровавшись. — Я Кравцов. Говорите, что надо.

Мария отметила про себя: груб, прямолинеен, но не глуп. Такие люди ценят время.

— Мне нужно расследовать обстоятельства пожара в ТЦ «Апрель», — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Официальная версия — поджог, совершённый моим братом. Это ложь. Нужно установить истинные обстоятельства: кому выгоден пожар, кто мог его организовать, кто подставил Алексея.

Кравцов взял со столика её чашку, отхлебнул чай, поморщился.

— «Золотые купола», — сказал он. — Застройщики. Я уже слышал эту историю. Им нужен был участок. Владелец ТЦ умер, наследники готовы продать, но сделка затягивалась. Если здание сгорает — земля дешевет, или наоборот?

— В данном случае — наоборот, — ответила Мария, доставая папку с документами. — Я изучила градостроительную документацию. Участок под ТЦ «Апрель» — категория «для размещения торговых объектов». Чтобы построить там жилой комплекс, нужно менять разрешённое использование. Обычно это долгий процесс, требующий согласований, общественных слушаний и, что самое главное, — выкупа земли у собственника. Если здание сгорает, собственник теряет актив, а земля отходит городу. И тогда её можно выкупить на торгах за копейки, без учёта существующей постройки.

Кравцов присвистнул.

— Вы разбираетесь в этом лучше, чем я ожидал. Откуда?

— Я хирург, — она подвинула к нему папку. — Привыкла разбирать проблему по слоям. Вот слой первый: кто владел ТЦ. Владимир Казаков, 68 лет, умер за месяц до пожара. Официальная причина — инфаркт.

— Неофициальная?

— Неофициальная — вопрос, — Мария открыла другой раздел папки. — Казаков был здоров. Ежегодные чекапы в швейцарской клинике. Никаких проблем с сердцем. Он умер в своей квартире, один. Вскрытие проводил районный патологоанатом, который подписал всё, что ему дали. Я узнала: этот патологоанатом год назад получил квартиру в одном из домов, построенных «Золотыми куполами».

Кравцов взял бумаги, пробежал глазами.

— Это уже интересно. Вы хотите сказать, что Казакова убили?

— Я хочу сказать, что его смерть слишком удобна для застройщиков. Если бы он был жив, он бы не продал. Он публично заявлял, что ТЦ — память о жене. Наследникам — сыну и дочери — плевать на сантименты, им нужны деньги. Но они ещё не вступили в наследство. А пока они оформляют документы, здание стораёт. И кто в выигрыше?

— Застройщики. Потому что после пожара земля переходит в муниципальную собственность как неостребованная, и «Золотые купола» могут получить её по стартовой цене.

— Именно, — кивнула Мария.

Кравцов включается

Кравцов отодвинул чашку, вытащил из кармана блокнот и ручку — старомодный способ, который выдавал в нём человека, не доверяющего электронике.

— Итак, что мы имеем, — начал он, делая пометки. — Объект: ТЦ «Апрель», принадлежал Казакову В.С. Мотив для поджога: освобождение земельного участка под застройку жилым комплексом. Выгодоприобретатели: группа компаний «Золотые купола» и их партнёры, включая помощника прокурора Звонарева. Улики против вашего брата: подброшенные. Очевидцы: мертвы или запуганы. Экспертизы: фальсифицированы. Свидетели: один — Игнат Воронин, охранник, исчез. Следующий вопрос: кто мог физически осуществить поджог? Это не брат. Кто тогда?

Мария задумалась.

— У Звонарева есть человек — его телохранитель. Высокий, плотный, на шее — родимое пятно. Он был на пепелище, он передавал мне угрозы. Возможно, он — исполнитель.

— Имя?

— Не знаю. Но вы можете узнать. В прокуратуре таких людей на учёте.

Кравцов кивнул.

— Сделаю. Что ещё?

— Ложный вызов, который увёл моего брата от ТЦ. Его сделали с зашифрованного номера, голос — через приложение. Технически это может отследить только оператор связи, но у меня есть знакомые в МЧС. Они знают диспетчера, которая принимала вызов. Её зовут Ирина.

— Ирина что?

— Пока не знаю фамилию. Но брат сказал, что она работала с ним в одной части.

— Найду, — Кравцов снова сделал пометку. — Но вы должны понимать: если Звонарев — прокурор, он имеет доступ к любым базам. Он может отследить, что мы копаем. Ваш телефон прослушивается, ваша машина — под наблюдением. Вы уже заметили хвост?

— Да. Чёрный седан. Следит уже третий день.

— Значит, нам нужно работать в обход. Никаких звонков по телефону. Только личные встречи. И никакой электронной почты. Я буду передавать вам информацию через Рубинштейна. Он знает схемы.

Мария достала из сумки конверт.

— Здесь аванс. И ещё: мне нужно полное досье на «Золотые купола». Все их проекты за последние пять лет. Связи в администрации. Судебные процессы. Жалобы дольщиков. Всё, что можно найти.

Кравцов взял конверт, не считая.

— Через три дня.

Он встал, коротко кивнул и вышел. Мария осталась сидеть, допивая остывший чай.

Архив

После встречи Мария вернулась в клинику. Операций не было — она отменила их все, кроме самых экстренных. Анжелика, её медсестра, смотрела на неё с тревогой, но молчала.

— Заприте кабинет, — сказала Мария. — Меня нет ни для кого.

Она закрылась в своём кабинете, достала ноутбук и начала работать. В открытом доступе было мало информации — «Золотые купола» тщательно чистили свою репутацию. Но в закрытых базах, к которым у неё был доступ через знакомых в Следственном комитете (спасибо Горелову, который дал несколько контактов), картина прояснялась.

Она нашла список объектов, которые «Золотые купола» построили за последние семь лет. Жилые комплексы «Северная долина», «Южная акватория», «Приморский парк». Все они стояли на месте старых зданий, которые были снесены. В двух случаях — после пожаров.

Мария замерла.

Два пожара. Оба — в зданиях, которые мешали застройке. Оба — с подозрительными жертвами. В одном случае погиб сторож — семидесятилетний мужчина, который не хотел уезжать. В другом — владелец небольшого кафе, который отказывался продавать землю.

Уголовные дела по этим пожарам были закрыты за отсутствием состава преступления.

«Архитектура лжи», — подумала Мария. — «Они строят не дома. Они строят смерть».

Она достала телефон, хотела позвонить Кравцову, но вспомнила его предупреждение. Вместо этого написала Рубинштейну короткое сообщение: «Назначь встречу. Есть новые данные. Маяк».

Через пять минут пришёл ответ: «Завтра, 19:00, тот же адрес».

Вечер

В девять вечера Мария вышла из клиники через служебный вход. Чёрный седан стоял у главного входа, но с другой стороны — никого. Она села в свой Mercedes, завела двигатель и поехала в сторону набережной.

В зеркале она видела, как седан сорвался с места и пополз следом.

Она не пыталась оторваться. Не сейчас. Сейчас ей нужно было, чтобы они думали, что она просто едет домой.

Но вместо дома она свернула в переулок, остановилась у старого здания, где когда-то была её первая клиника. Здание пустовало — Мария купила его несколько лет назад и сдавала в аренду, но последний арендатор съехал. Сейчас внутри было темно и пусто.

Она выключила фары, вышла из машины, быстро прошла к чёрному входу. Ключ всё ещё работал.

Через минуту она была внутри. Темно. Пахло пылью и старыми обоями. Она поднялась на второй этаж, где когда-то была её операционная. Сейчас там стоял только старый диван и стол.

Она достала из сумки флешку, вставила в ноутбук.

Архив Казакова

Она нашла это случайно — в прошлый раз, когда искала информацию о владельце ТЦ, она наткнулась на его блог. Казаков вёл его для семьи — выкладывал фото, воспоминания. И в одном из постов, за три месяца до смерти, он написал:

«Сегодня ко мне приходили люди. Предлагали продать ТЦ. Я отказался. Сказали, что пожалею. Я ответил, что мне 68 лет, и я уже не боюсь угроз. Они ушли. Но я записал их имена. Если со мной что-то случится — пусть дети знают, кому молиться».

Имена. Он записал имена.

Мария перечитала пост десять раз. Имена были зашифрованы — не полностью, а инициалами. «Б.Г.» — Борис Гусев, заместитель гендиректора «Золотых куполов». «И.З.» — Игорь Звонарев. И третье имя — «С.К.» — Сергей Круглов?

Нет. Круглова она уже знала. Но «С.К.» — кто это?

Она открыла другую вкладку — база данных сотрудников прокуратуры. Среди помощников Звонарева не было никого с инициалами С.К. Но был Круглов — но тот на «К». Не подходит.

Значит, кто-то третий. Возможно, исполнитель.

Мария сделала скриншоты, сохранила всё на две флешки — одну спрятала в сумке, вторую положила в тайник под половицей. Если её арестуют, у Алексея будет хоть что-то.

Она закрыла ноутбук и вышла во двор. Чёрного седана не было — они потеряли её из виду.

«Хорошо», — подумала она. — «Теперь я знаю, куда копать дальше».

Она села в машину и поехала домой. Завтра — встреча с Кравцовым. Послезавтра — она начнёт охоту на «С.К.».

Игра продолжалась.

Тайный свидетель

На обратном пути Мария вспомнила ещё кое-что. В документах, которые ей передал Горелов, было упоминание о некоем свидетеле — мужчине, который видел, как двое в форме МЧС заносили канистры в подвал. Тот самый Игнат Воронин. Он работал охранником в ТЦ и исчез после пожара.

Поиски Кравцова могли занять время. Но Мария не хотела ждать.

Она нашла номер телефона бывшего коллеги Алексея — старшего прапорщика МЧС, который работал вместе с ним в части. Звали его Виктор.

— Виктор, это Мария, сестра Алексея. Мне нужна помощь.

— Я слушаю, — голос был настороженным.

— Ты знал охранника Игната Воронина? Он работал в ТЦ «Апрель».

— Слышал о нём. Он часто бывал в нашей части — курить выходил.

— Где он живёт?

— Не знаю. Но у него есть мать в Парголово. Она работала уборщицей в школе. Я могу дать адрес.

— Давай.

Виктор продиктовал адрес. Мария записала.

— Спасибо. И Виктор... Ты никому не говорил, что я звонила?

— Нет. Но ты осторожнее. Здесь все боятся Звонарева.

— Я уже поняла.

Она повесила трубку и посмотрела на адрес. Парголово. Пригород. Завтра она съездит туда. Возможно, мать Игната знает, где он сейчас.

Или знает, кто его убил.

Ночь

Мария вернулась в свою квартиру на Крестовском острове — пентхаус с видом на залив. Обычно здесь было уютно, тепло, пахло кофе и цветами. Сейчас — пустота. Она не зажигала свет, прошла на балкон, села в кресло.

Внизу, у подъезда, снова стоял чёрный седан.

«Они следят», — подумала она. — «Но пусть. Я всё равно быстрее».

Она достала флешку, вставила в ноутбук и начала набирать письмо Рубинштейну.

«Григорий Семёнович. У меня есть список: Б.Г., И.З., С.К. Нужно выяснить, кто скрывается за С.К. Это ключ. Также есть адрес матери Игната Воронина в Парголово. Завтра я еду туда. Если до вечера от меня не будет вестей — открывайте тайник в старом здании на Литейном. Там всё».

Она отправила письмо, закрыла ноутбук и легла на диван, глядя в потолок.

Завтра она найдёт Игната. Или того, кто его спрятал.

Глава 6. Свидетель

Парголово, улица Центральная, дом 17, 10:00 утра.

Мария припарковалась у старой пятиэтажки — типичной «хрущёвки» с облупившейся штукатуркой и мусорными баками во дворе. Снег здесь не убирали, и она провалилась по щиколотку в серую кашу. На скамейке у подъезда сидели две бабки в ватниках, проводили её взглядами — чужая, сразу видно, не из их мира.

Она поднялась на третий этаж. Квартира 17. Дверь, обитая дерматином, кнопка звонка не работала — пришлось стучать. Долго никто не открывал. Мария уже хотела уходить, когда замок, щёлкнул, и дверь приоткрылась, на цепочку.

В щели показалось женское лицо — лет пятидесяти, усталое, с красными глазами. Пахло оттуда капустным супом и дешёвыми сигаретами.

— Вам кого? — голос хриплый, прокуренный.

— Здравствуйте. Я ищу Игната Воронина. Вы его мать?

Женщина напряглась, попыталась захлопнуть дверь, но Мария успела подставить ногу.

— Пожалуйста, — сказала она быстро. — Мне нужна помощь. Моего брата обвиняют в поджоге ТЦ «Апрель». Игнат — единственный свидетель, который может его спасти. Он видел, кто на самом деле заносил канистры.

— Ничего он не видел, — отрезала женщина. — Игнат уехал. Давно. Я не знаю где.

— Вы его мать. Он обязательно свяжется с вами. Пожалуйста, передайте ему, что я готова заплатить. Любые деньги. И обеспечить защиту. — Мария достала из сумки конверт. — Здесь сто тысяч. Аванс. Если он поможет — ещё миллион.

Глаза женщины расширились. Она смотрела на конверт, как на змею. Страх и жадность боролись на её лице.

— Заберите, — прошептала она. — Уходите. Он не может помочь. Его убьют.

— Его и так убьют, если он молчит, — жёстко сказала Мария. — Думаете, те, кто поджёт ТЦ, оставят свидетеля в живых? Рано или поздно они его найдут. Единственный шанс — выступить открыто, под защитой закона.

— Закона? — женщина горько усмехнулась. — Вы в России живёте? Закон сейчас у тех, у кого деньги. У нас нет денег.

— У меня есть, — повторила Мария. — И я не отступлюсь.

Она сунула конверт в щель, и он упал на пол прихожей. Женщина посмотрела на него, потом на Марию, потом дверь захлопнулась.

Мария постояла минуту, потом развернулась и пошла вниз.

Она знала: Игнат узнает о визите. Мать передаст. А дальше — либо он сам выйдет на связь, либо нет.

Возвращение в клинику

Она уже подъезжала к Крестовскому острову, когда зазвонил телефон. Незнакомый номер.

— Мария Волконская? — голос мужской, напряжённый.

— Да.

— Я Игнат. Не называйте моё имя вслух. Где мы можем встретиться?

Мария почувствовала, как сердце ускорило.

— Где скажете.

— Вы знаете парк «Сосновка»? Там, за главной аллеей, есть заброшенная лыжная база. Через час. Приходите одна. Без полиции, без адвокатов. Иначе я не приду.

— Я буду одна.

— И деньги приносите. Половину сейчас, половину после.

— Принесу.

Она сбросила звонок и развернула машину. До парка «Сосновка» — двадцать минут. Успеет заехать в клинику, взять деньги из сейфа. И ещё — взять диктофон. На всякий случай.

Парк «Сосновка», 11:45

Парк был пуст в этот час — будний день, холодно, сыро. Мария шла по заснеженной аллее, оглядываясь. Никого. Только вороны на ветках. Она нашла заброшенную лыжную базу — деревянный сарай с выбитыми окнами. Внутри темно, пахнет сыростью и мочой бомжей.

— Игнат? — позвала она.

Из темноты вышел мужчина. Высокий, худой, с резкими чертами лица. На шее — длинный шрам, который шёл от уха до ключицы, белый на загорелой коже. Смотрел исподлобья, как волк, загнанный в угол.

— Деньги принесли? — спросил он без приветствия.

Мария протянула конверт. Он взял, пересчитал — пятьсот тысяч рублей.

— Половина. Остальное после показаний.

— Садись, — он кивнул на перевёрнутый ящик. — Только быстро. У меня мало времени. Они сели друг напротив друга. Мария включила диктофон — открыто, чтобы он видел.

— Рассказывай всё, что видел.

Игнат закурил, глубоко затянулся, и начал:

Показания

— Я работал в ТЦ «Апрель» охранником три года. Знал каждую щель. В ту субботу, за день до пожара, я дежурил в ночную смену. Около двух часов ночи спустился в подвал проверить электрощитовую — там часто выбивало автоматы.

— И что ты увидел?

— Там были двое. В форме МЧС. Я сначала подумал, что это учения — иногда они проводили проверки. Но потом увидел, что они несут канистры. Большие, двадцатилитровые. Поставили их у стены, рядом с электрощитовой.

— Ты рассмотрел лица?

— Нет. У них были капюшоны и маски. Но я запомнил одного — он хромал на правую ногу. И у второго на шее было родимое пятно. Большое, вот такое, — Игнат показал размер с кулак.

Мария похолодела. Родимое пятно. Тот самый человек — телохранитель Звонарева.

— Что было дальше?

— Они меня заметили. Тот, с пятном, подошёл и сказал: «Ты ничего не видел, понял? Или сгоришь вместе с этим зданием». Я испугался, убежал. На следующий день я не вышел на смену — сказался больным. А вечером ТЦ загорелся.

— Ты видел пожар?

— Я смотрел новости. Увидел, что двадцать человек погибли. Понял, что это те двое. И понял, что они меня найдут. Поэтому я спрятался.

— Где ты был всё это время?

— У матери в Парголово. Потом перебрался к другу в Выборг. Но денег нет, жить не на что. Услышал, что вы ищете свидетеля. Решил рискнуть.

Игнат докурил сигарету, затушил о ботинок.

— Это всё, что я знаю. Больше ничего.

— Ты готов дать показания в суде? — спросила Мария.

— Если вы дадите мне охрану и деньги, чтобы уехать после — да. Но вы должны понимать: эти люди опасны. Если они узнают, что я говорю, меня убьют. И вас тоже.

— Я знаю, — Мария встала. — Игнат, ты — единственный шанс для моего брата. Я сделаю всё, чтобы защитить тебя. Обещаю.

— Обещания — это слова, — усмехнулся он. — Деньги — это дело.

— Завтра ты встретишься с моим адвокатом. Он снимет показания официально. После этого — получишь остальное. Идёт?

Игнат кивнул.

— Завтра в полдень. В том же месте. Но если увижу полицию — исчезну навсегда.

— Договорились.

Он вышел из сарая первым, быстро, растворяясь в парке. Мария подождала пять минут, потом вышла следом.

Возвращение

В машине она набрала Рубинштейна.

— Григорий Семёнович, у нас есть свидетель. Игнат Воронин. Он видел двоих в форме МЧС, которые заносили канистры за день до пожара. Один из них — телохранитель Звонарева, с родимым пятном на шее. Второй — хромым.

— Это отличная новость, — адвокат был взволнован. — Но и опасная. Если Звонарев узнает...

— Он не узнает. Завтра в полдень встречаемся в парке «Сосновка», на заброшенной лыжной базе. Вы снимете показания. Я обеспечу охрану.

— Какую охрану?

— Найму частное охранное предприятие. У меня есть знакомые.

— Мария Андреевна, — Рубинштейн помолчал. — Вы уверены, что этот человек не подставной? Что его не послал Звонарев, чтобы дать ложные показания?

Мария задумалась. Игнат выглядел искренним — испуганным, загнанным. Но в этом бизнесе никто не знает наверняка.

— Я проверю. Дайте мне его имя — пробейте по базам. Судимости, долги, связи.

— Сделаю.

Вечер

Мария вернулась в клинику, но не могла усидеть на месте. Она налила себе виски — не пила обычно, но сейчас руки дрожали. Ольга-уборщица, которая должна была стать первым свидетелем, погибла. Игнат — второй шанс. Если и его убьют, брат потеряет всякую надежду.

Она позвонила Кравцову.

— Андрей Сергеевич, нужна срочная встреча.

— Где?

— В старом здании на Литейном. Через час.

Встреча с детективом

В пустом здании, где пахло пылью и старыми тайнами, Кравцов ждал её с папкой в руках.

— Я нашёл кое-что, — сказал он без предисловий. — «Золотые купола» — это только вершина айсберга. Ниже — целая сеть фирм-однодневок, через которые выводятся деньги. Звонарев — не единственный, кто их крышует. Есть ещё люди в администрации, в Госстройнадзоре, даже в МЧС.

— В МЧС? — переспросила Мария.

— Да. Диспетчер, которая приняла ложный вызов, — Ирина Лосева. Я нашёл её. Она жива, но запугана. Ей угрожали. Она готова дать показания, но боится.

— С ней можно встретиться?

— Можно. Но осторожно. Её пасут.

Кравцов положил на стол несколько фотографий. На них был заснят мужчина в гражданском, сидящий в машине у дома Ирины.

— Это тот же, с родимым пятном? — спросила Мария.

— Нет. Другой. Но он из той же конторы. У Звонарева целая бригада.

Мария смотрела на фото. Игра становилась всё опаснее.

— Что будем делать? — спросил Кравцов.

— У нас есть два свидетеля: Игнат Воронин и Ирина Лосева. Завтра я встречаюсь с Игнатом, и Рубинштейн берёт у него показания. Послезавтра — едем к Ирине.

— Игнат — это риск. Он может сбежать. Или его могут перехватить.

— Поэтому встречаемся в тайном месте. Только я, он и адвокат. Охрану я найму.

— Ваши деньги, ваши риски, — Кравцов пожал плечами. — Я сделал свою часть. Дальше — вы.

Он встал, собираясь уходить, но на пороге обернулся.

— Мария Андреевна, берегите себя. Звонарев не тот человек, с которым можно шутить. Если он поймёт, что вы нашли свидетеля, он убьёт не только его, но и вас.

— Пусть попробует, — ответила Мария.

Ночь. Тревога

Она не спала. Лежала в постели, смотрела в потолок и перебирала в голове план. Завтра — встреча с Игнатом. Послезавтра — показания Ирины. Потом — запрос в суд о пересмотре дела. Если всё пойдёт по плану, через неделю брат выйдет на свободу.

Но что-то её тревожило. Какая-то деталь ускользала.

Она встала, прошла на кухню, налила воды. Включила ноутбук, перечитала показания Игната. Он сказал, что двое в форме МЧС занесли канистры за день до пожара. Но если они их занесли за день, то почему пожар начался только на следующий вечер? Что было спусковым крючком?

Если бы они использовали бензин, он бы испарился за сутки. Значит, что-то другое. Может быть, зажигательное устройство с часовым механизмом?

Или канистры были не с бензином, а с чем-то другим?

Она открыла отчёт пожарно-технической экспертизы, который дал ей Рубинштейн. Там было написано: «Остатки жидкости в канистрах идентифицированы как бензин Аи-92». Но этот отчёт подписал тот же эксперт Смагин, который уже сфальсифицировал выводы об очаге возгорания.

Мария решила: завтра после встречи с Игнатом она сама отвезёт образцы из ТЦ на независимую экспертизу. У неё есть знакомый химик в университете. Тот, кто не боится потерять работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.